

**КОНЦЕПТЫ „ДОЛГ“ И „СВОБОДА“
(ФИЛОСОФИЯ, МОРАЛИЗИРУЮЩАЯ РЕФЛЕКСИЯ И
„ТЕМНАЯ“ МАТЕРИЯ ЯЗЫКА)**

РУБЕН ГРАНТОВИЧ АПРЕСЯН

Институт философии Российской Академии наук

apressyan@mail.ru

**THE CONCEPTS OF „DUTY“ AND „FREEDOM“
(PHILOSOPHY, MORALIZING REFLECTION AND
THE „DARK“ MATTER OF LANGUAGE)**

RUBEN GRANTOVICH APRESSYAN

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

Abstract

The concepts of „duty“ and „freedom“ have been differently coped in moral philosophy, in moralizing reflection, and in the element of a colloquial language. Philosophers feel comfortable within the framework of moral philosophy, playing with the forms of pure thought, and do not have difficulties analyzing the passages of moralizing scholars. But a colloquial language is different: its speakers are not concerned about the strictness of expressions and, moreover, the formal restrictions imposed on the use of words by philosophy. However, it is an important source for understanding moral thinking, and the efforts of scholars from various fields are required to solve the difficult interdisciplinary research task of interlinking different levels of understanding of the concepts of „duty“ and „freedom“ to elaborate its comprehensive conception.

Keywords: morality, moral consciousness, duty, freedom, responsibility, regulation and self-regulation.

Долг и свобода – основополагающие концепты морального сознания и моральной философии. Ими в значительной своей части образуется пространство морали. Их роль в морали существенна, но не всеохватна, поскольку, с философской точки зрения, они не имеют внутреннего нормативного содержания. Понятия долга и свободы не указывают на то, *что* человеку следует делать, *каково* морально необходимое ценностное

содержание его поступков, однако они говорят о том, *как* человек должен поступать и каково одно из условий моральности его поступков, а именно: свободно принимать решения и следовать своему долгу. Такова рамка морально релевантной активности как она осмыслена и реконструирована философской этикой.

Однако в какой мере с ней согласно обыденное моральное сознание, как оно проявляет себя в решениях, принимаемых по поводу повседневных конфликтов или экстраординарных конфликтов, протекающих на грани смертельных (для агента или реципиента) рисков? Традиционно мыслящие моральные философы нередко относятся к „моральным фактам“ без должного внимания, не проявляя интереса к эмпирическому материалу, тем более такому, который напрягает высокую философскую мысль о морали или тем более такому, который может потрясти ее. Эмпирические данные, касающиеся жизни морали, моральной практики, живого морального опыта довольно разнообразны. Этот вопрос как возможный повод для методологических затруднений заслуживает внимания сам по себе. Далее проводится сопоставление между строгим морально-философским пониманием долга и свободы, трактовкой этих концептов, рассматриваемых в расширенном контексте социально-гуманитарными учеными, не всегда готовыми прислушаться к выводам моральной философии, выступающими, скорее, „от имени“ морального сознания, склонного к рефлексии, но рефлексии морализирующего характера, и данными русского языка, репрезентированного в когнитивно-лингвистических исследованиях. В отличие от моральной философии, язык в значительной степени ценностно синкретичен. Являемая им семантика долга и свободы далека от специфичности данных концептов, обосновываемой в философии; что освоение моральной философией соответствующих лингвистических данные также требует прояснения ряда методологических трудностей. Последнее возможно лишь в ходе реализации конкретных задач междисциплинарных исследований. Возможные подходы в данном направлении предложены в этой статье.

1.

Моральная философия выдвигает такое понятие морали, согласно которому моральность личности проявляется в суверенных действиях, то есть произведенных независимо от внешних авторитетов и в соответствии с собственным пониманием

должного; это же касается ее суждений относительно добра и зла, правильного и неправильного. Такой образ морали, морального агента и морального решения вызывает настороженность со стороны носителей традиционалистского и авторитарного сознания как якобы высвобождающий эгоистические и меркантильные склонности человека, перечеркивающий его моральный долг, его моральное предназначение (Кирилл, 2018). Выражающие настороженность относительно моральной автономии и суверенности явно упускают из вида, что мораль исторически формируется как нормативный и культурный институт, призванный помочь человеку противостоять своему эгоцентризму. Развитие морали выражается, среди прочего, в том, что человек все более оснащается в этом противостоянии соответствующими нормативными инструментами, способами мышления и механизмами самоконтроля, которые рационализируются и обогащаются в моральной философии.

От превращения суверенности в своеволие и произвол гарантируют принципы универсализуемости и общего блага и соответствующие процедуры выбора и коррекции оснований решений. Собственно, эти идеи, высказанные на уровне метафизики морального сознания, составляют суть учения о категорическом императиве И. Канта (Кант, 1997) [1]. Моральность личности, по Канту, удостоверяется в таких решениях, основания которых выбраны ею самостоятельно и непротиворечиво по отношению к основаниям других ее решений, в них отдан приоритет общему (а не личному, частному) благу и эти основания универсализуемы. В выборе оснований действий и суждений по указанным критериям заключается моральный долг личности. В освоении данного образа мысли и соответствующей самореализации личность утверждает себя в качестве морального агента.

В философской литературе можно встретить истолкования категорического императива Канта как своего рода объективного закона, предъявляемого индивиду извне. Интерпретации такого рода рождаются на базе совершенно различных философских позиций, и их высказывают авторы, по разным другим поводам удостоверяющие свое знание Канта (Simmel, 2010; Дробницкий, 2001). У самого Канта достаточных предпосылок для объективистского понимания морали нет. Но противоречивый, как с позиций личности, так и с позиций социума, опыт социального дисциплинирования, с которым нередко ассоциируется мораль, дает поводы для такого понимания кантовского

понятия морали. В подобных истолкованиях обнаруживает себя то восприятие морали, при котором она представляется прежде всего как некая надперсональная сила, обнаруживающая себя в извне предъявляемом человеку долге, а при социологистском, понимании – как инструмент социального дисциплинирования, как способ социальной регуляции поведения. Однако в современной социологии получила распространение точка зрения, согласно которой моральная регуляция направлена не на поведение вообще, а на „этическую субъективность“, а одновременно и формирование общего для членов группы социального и духовного опыта, общих идей, впечатлений и чувств (Durkheim, 2003; Ruonavaara, 1997).

Впрочем, ряд задач согласования частных интересов, частных и общих интересов наилучшим образом решается самими носителями частных интересов посредством взаимной регуляции и саморегуляции поведения. В этом контексте долг и свобода предстают в ином свете: долг оказывается сознанием самостоятельно устанавливаемой индивидом необходимости решений и действий, а свобода – способностью принимать решения и совершать действия *автономно*. В рамках морального сознания свобода и долг опосредуются *ответственностью*. Важной задачей моральной философии и нормативной этики является анализ долга и свободы в контексте системы морального сознания, в их содержательной связи и структурной опосредованности с другими моральными концептами.

2.

Моральное сознание неоднозначно переживает и осмысливает эти доминантные моральные установки. При определенных состояниях морального сознания долг и свобода могут восприниматься как антитетичные идеи, отражающие разнонаправленные стороны морального опыта. Такое восприятие морального опыта как внутренне двойственного подвергается рефлексии и последующей концептуализации. В русском мышлении благодаря наличию в русском языке двух слов – воспринятого из французского и латинского по своим корням слова «мораль» и славянского по происхождению слова „нравственность“ [2] – двойственное восприятие морального опыта легко оформляется лексически [3]. С одной стороны, выделяется самостояние индивида, решимость личности брать на себя ответственность за каждый свой поступок,

его совершение как намеренного, сознательного, свободного, а с другой – общественное дисциплинирование, подражательность индивида в решениях, следование внешним предписаниям лишь на основании самого факта предписаний, исполнение правил лишь из желания соответствовать им. При таком видении, бытие личности собой обозначается словом «нравственность», а система регуляции поведения – словом «мораль» (иногда наоборот). В наиболее явном виде подобные определения были высказаны философом В. Библером (Библер, 1990), и последующая традиция разделения морали и нравственности в российской социально-гуманитарной мысли, похоже, отталкивается от него. Аналогичные значения фиксируются и лингвистами (Кушнир, 2012).

Соответственно двойственному восприятию этического опыта трактуются свобода и долг: свобода переживается и понимается как выражение аутентичности индивида, его неподотчетности, способности к независимому самовыражению, а долг – как проявление внешнего воздействия на индивида, по сути понудительного, потенциально репрессивного. Причем задача регулирования приписывается социуму, который посредством различных рычагов контроля, направляет поведение индивида; долг рассматривается как один из инструментов воздействия, силой, направленной на индивида извне, а свобода – как внутренняя сила индивида, благодаря которой он оказывается способным к деятельному самопроявлению.

Как видим, в отличие от репрезентации концептов свободы и долга в моральной философии, при дивергенции морали и нравственности (которая чаще всего проводится психологами) свобода и долг наполняются ценностным содержанием и получают нормативный статус, а рефлексия по этому поводу, облакаемая в форму теории, приобретает морализирующий характер.

3.

Параллели данной семантической матрицы можно обнаружить в речевой практике русского языка как она представлена в когнитивно-лингвистических исследованиях. Наиболее известны работы в этой области лингвиста А. Вежбицкой, а именно, ее разбор концепта «свобода» сопряженно с концептом „воля“ в сопоставлении с латинским „libertas“, английскими „freedom“ и „liberty“ и польским „wolność“.

Лингвосемантический анализ Вежбицкой воспроизводит ряд значений, выявленных за несколько десятилетий до нее философом Георгием Федотовым (Федотов, 1992: 284 – 286), но семантика концептов свободы и воли оказывается у нее несколько иной. В русском концепте свободы она, в отличие от Федотова не находит отрицательных коннотаций; в этом концепте главное – отсутствие внешнего контроля, ограничения, принуждения. Значение же слова „воля“, по мнению Вежбицкой, в современном русском языке, точнее, в русском последней трети XX века, постепенно оказалось сведенным к одному – к жизни вне тюрьмы, вне исправительного лагеря (Wierzbicka, 1997: 288) [4]. В русском концепте „свобода“ Вежбицкая легко прослушивает „анархические» импликации, а за ними и характерный для русской культуры „антиправовой“ уклон» (Ibid.: 144). Можно предположить, что Вежбицкая была отчасти под впечатлением мнения, высказывавшегося, наряду с другими, и А. Амальриком, которого она цитирует: „Само слово „свобода“ понимается большинством народа как синоним слова „беспорядок“, как возможность безнаказанного свершения каких-то антиобщественных и опасных поступков“ (Ibid.: 143).

Более широкие по охвату лексического материала исследования российских лингвистов указывают на значимость таких, коррелирующих с английским словом «freedom», коннотаций, которые обнаруживают социабельность свободного человека, его вовлеченность в общественную среду, его восприимчивость к правопорядку, моральной нормативности, обязанностям, долгу (Кошелев, 1991; Арутюнова, 2003: 83; Солохина, 2005: 226 – 228; Шмелев, 2018: 683). Социабельность человека – неперенное условие стабильности социума (Булыгина, Шмелев, 1991). Качество социабельности на практике может выражаться градуированно и соответственно будет варьироваться его эффективность. Оно может актуализироваться в сознании людей и посредством других концептов, в том числе нормативных, и на первом месте здесь, конечно, концепт „ответственность“, отражающий феномен, коммуникативной и общественной ориентированности личности („социальная ответственность“), внутренне мотивируемой к соответствующим поступкам (в этом смысле „индивидуально ответственным“ поступкам).

В современном российском публичном дискурсе содержатся и другие коннотации свободы – утверждающие ценности прав человека, суверенитета и достоинства

коммунитарно ассоциированной личности, сформированные социально-гуманитарным просвещением и гражданским воспитанием, которые еще сохраняют либеральные и демократические приоритеты конца 1980-х – начала 2000-х годов. В таком социально-гуманитарном просвещении и гражданском воспитании тесно увязываются друг с другом идеи долга и свободы. Современный частно-семейный дискурс свободы и долженствования крайне вариативен, но о нем в силу отсутствия систематических исследований в этой сфере мы знаем не так много. Вместе с тем, нельзя не признать, что в официальной пропаганде и текстах обслуживающих ее обществоведов, публицистов и блогеров преобладает тенденция, в которой гражданственность трактуется как патриотизм, свобода – как осознание вменяемой необходимости (подлежащей принятию), а долг – как законопослушность и лояльность властям.

***

Философия представляет долг и свободу в их категориальной простоте – как логически-последовательно эксплицированные, взаимно опосредованные теоретические конструкции. Морализирующая рефлексия индивидуального опыта наполняет концепты свободы и долга нормативным содержанием, ассоциируя с ним определенные жизненные позиции и поведенческие стратегии. Наконец, по-своему эти концепты заявляют о себе в глубинном сознании, спонтанно являющем себя в живом языке, носители которого не обременены заботой о концептуальной строгости и предметной специфичности используемых ими слов, и в этом смысле их использование являет „темную“, самими носителями языка не рефлекслируемую и не эксплицируемую материю сознания. Перед теорией – моральной философией, нормативной этикой, аксиологией, лингвистикой, психологией – стоит непростая междисциплинарная исследовательская задача сопряжения различных уровней осмысления этих концептов и выработки комплексного представления о них.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Кант говорит об условиях возможности морали, но по существу, предмет его внимания – условия возможности морального сознания, еще точнее, моральное самосознание.

[2] Хотя слово „нравственность“ славянского происхождения (от нрав/норов), ни в одном славянском языке, помимо русского, этого слова нет.

[3] Можно предположить, что само по себе наличие двух слов толкает к усмотрению двойственности в этическом. Заслуживает внимания, что концептуально обоснованные попытки дифференцированного восприятия морального опыта встречаются и на базе других языков – не только немецкого, где это ожидаемо, поскольку в немецком также, наряду с восходящим к латинскому „Moralität“, есть германское по происхождению (от Sitten) „Sittlichkeit“ (Г.В.Ф. Гегель, Ф. Ницше, Ю. Хабермас), но и французского (Э. Левинас, М. Фуко, П. Рикёр), и английского (З. Бауман), где воспринимаемая двойственность нравственного опыта фиксируется терминами „morality“ – „ethics“ (англ.), „moralité“ – „éthique“ (фр.). Подробнее об этом см. (Апресян, 2020).

[4] В более поздних исследованиях эта трагическая коннотация концепта „воля“ признана существенно ослабленной (Шмелев, 1918: 696).

ЛИТЕРАТУРА

Апресян, Р. Г. (2021). О дивергенции понятий „мораль“ и „нравственность“. – В: *Этическая мысль*, Т. 21, № 1, 5 – 23.

Арутюнова, Н. Д. (2003). Воля и свобода. – В: *Логический анализ языка. Космос и хаос: концептуальные поля порядка и беспорядка*. Москва, Индрик, 73 – 99.

Булыгина Т. В., А. Д. Шмелев. (1991). Концепт долга в поле долженствования. – В: *Логический анализ языка. Культурные концепты*, Москва, Наука, 14 – 20.

Библер, В. С. (1990). Нравственность. Культура. Современность (Философские раздумья о жизненных проблемах). – В: *Этическая мысль*. Москва, Политиздат, 16–57.

Кант, И. (1997). Основоположение к метафизике нравов. – В: **Кант И.** *Соч. на нем. и рус. яз.* (Под. ред. Б. Тушлинга и Н. В. Мотрошиловой. Т. III.; Подг. к изд. Соловьевым, А. Судаковым, Б. Тушлингом, У. Фогелем). Москва, Московский философский фонд, 39 – 275.

Кошелев, А. Д. (1991). К эксплицитному описанию концепта „свобода“. – В: *Логический анализ языка. Культурные концепты*. Москва, Наука, 61 – 64.

Дробницкий, О. Г. (2001). Понятие морали: Историко-критический очерк. – В: Дробницкий О. Г. *Моральная философия: Избранные труды*, Сост. Р. Г. Апресян. Москва, Гардарики, 11 – 344.

Кирилл, Патриарх РПЦ (2018). Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XXVI Международных Рождественских образовательных чтений. – В: *Официальный сайт Московского патриархата*. 25.01.2018, url: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5136032.html> (Просмотр: 01.11.2021).

Кушнир, О. Н. (2012). Макроконцепты „право/закон» и „мораль/нравственность“: „фигуры конфликта“ в поле взаимодействия. – В: *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, № 1, 98–101.

Солохина, А. С. (2005). Свобода. – В: *Антология концептов*. (Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина). Том 1. Волгоград, Парадигма, 42 – 58.

Федотов, Г. П. (1992). Россия и свобода [1945]. – В: Федотов, Г. П. *Судьба и грехи России*. Т. 2. Санкт-Петербург, София, 276 – 303.

Шмелев, А. Д. (2018). Еще раз о русских словах свобода и воля. – В: *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. Т. 22, № 3, 675 – 700.

Durkheim, E. (2003). *Professional Ethics and Civic Morals*, Transl. by C. Brookfield, with a new preface by B. S. Turner. London; New York, Routledge.

Ruonavaara, H. (1997). Moral Regulation: A Reformulation. – In: *Sociological Theory*. Vol. 15, № 3, 277 – 293.

Simmel, G. (2010). The Law of the Individual. – In: *The View of Life: Four Metaphysical Essays with Journal Aphorisms*. Chicago, The University of Chicago Press, 99 – 154.

Wierzbicka, A. (1997). *Understanding Cultures Through Their Key Words: English, Russian, Polish, German, and Japanese*. New York, Oxford, Oxford University Press.